

УДК 82.09

С.Н. Никифорова

ИРОНИЯ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Одним из наиболее употребительных стилистических приемов создания комического эффекта является ирония. В настоящее время разноаспектному изучению иронии посвящено множество философских, лингвистических и литературоведческих исследований. Иронию рассматривают как категорию эстетическую, как один из видов речевых жанров юмора, как стилистический прием и т.п. Языковые механизмы иронии в текстах художественной литературы выделяются в книге С.И. Походни [6]. Особенности иронии и ее виды подробно описаны в работе И.Б. Шатуновского [4, с. 340-372]. О.П. Ермакова сопоставляет иронию с такими явлениями, как ложь, шутка [4, с. 219-229] и метафора [3, с. 48-57]. Во многих исследованиях, посвященных анализу художественно-изобразительных средств языка, ирония понимается как антифразис, как «троп, состоящий в употреблении с целью насмешки слова или выражения в смысле, обратном буквальному» [7, с. 310].

Но не каждое ироническое употребление оценочных слов содержит антонимичный смысл. По словам О.П. Ермаковой, «ироническое употребление слова может 1) порождать имплицитную антонимию, а может 2) быть только выражением заведомо ложной положительной оценки без порождения определенного противоположного смысла» [3, с. 53].

Цель данной статьи – рассмотреть, какими стилистическими приемами пользуется М.А. Булгаков для достижения комического и иронического эффектов в романе «Мастер и Маргарита», создавая образы персонажей.

«Роман «Мастер и Маргарита» вобрал в себя опыт Булгакова-сатирика, ярко и разнообразно проявившийся во всем его предыдущем творчестве. Многие приемы, формы, средства и способы

сатирического осмеяния, выработанные писателем, обновлялись, совершенствовались, приобретали особые оттенки, ракурсы, модификации. Искусство комического у Булгакова выросло, обогатилось и поднялось на новую ступень» [9, с. 182].

Свободный и раскованный дискурс повествователя, излюбленная Булгаковым литературная и языковая игра ведут к разнообразному пародированию и многослойной иронии. Пародия в романе имеет множество адресов, в одних случаях узнаваемых, в других – намеренно скрывааемых. Как и в предыдущих произведениях Булгакова, пародированию и ироническому осмеянию подвергаются воззрения, нравы, события и явления современной автору советской действительности.

Уже в начале произведения повествователь московских глав в романе принимает позу балагура и остряка, «питающегося» сомнительной информацией, исходящей из литературных кругов, и иронически к ней относящегося. При этом используются сказообразные формы, отражающие сложную систему разнонаправленных установок. Ср.: «Дом назывался «Домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя – Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела – мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе. А впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!» [1, с. 55].

Привлекаются как элементы устного монолога («Ну владела или не владела – мы точно не знаем; один московский врун; А впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!» [1, с. 55]), так и повествующего монолога, тяготеющего к формам книжности («во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» ... тетке, раскинувшейся на софе» [1, с. 55]). В подобном столкновении «устности» и «книжности», по мнению В.В. Виноградова, заключены огромные возможности

не только эстетической игры, но и создания новых миров при посредстве «чужого» словесного материала. «Не только новые формы словесных комбинаций, ощутимые остро на фоне ломки привычных семантических соотношений, но и новые методы художественного преобразования мира строятся на основе сказовых форм» [2, с. 127].

При описании блюд, подаваемых «в Грибоедове», используется риторический и вместе с тем глубоко иронический стиль, переключаящийся с гоголевской стилевой манерой. Начинаясь с непринужденно-разговорных, «сниженных» фраз, речь повествователя неожиданно восходит на патетическую высоту и далее движется с ориентацией на систему разнородных форм.

Ср.: “Эх-хо-хо... Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кококт с шампиньоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела по-генуэзски? Десять с полтиной? Да джаз, да вежливая услуга! А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе, – на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистой скатерти тарелочка супа-прентаньер? Помните, Амвросий? Ну что же спрашивать! По губам вашим вижу, что помните. Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле наразан?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..” [1, с. 58].

Риторический и одновременно иронический восторг создается здесь широким привлечением эмоциональных восклицаний и вопросов, симметрично построенных, становящихся все более выразительными, все сильнее напрягающих патетику высказывания. Этому способствуют многочисленные повторы (*было,- было; стерлядь, стерлядь...стерлядь; помните...помните*), анафорическое *а* в присоединительном значении; *да* – в подобной функции; парцелляция; использование высказывания с особым характером актуального членения («А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные

литературные дела держат в городе, – на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистойшей скатерти тарелочка супа-прентаньер?» Здесь темой служит первая часть высказывания до паузы, обозначенной тире; первой ремой служит словосочетание *тарелочка супа-прентаньер*, второй ремой – обособленные обстоятельства *на веранде, в тени вьющегося винограда* и необособленное – *в золотом пятне на чистойшей скатерти*. Подобные синтаксические структуры Е.А. Иванчикова называет построениями с «внутриструктурной» актуализацией, логическим выделением отдельных синтагм [8, с. 281].

Ирония подчеркнута здесь созданием противоречия между содержанием и не совсем адекватной формой его выражения (о «низком» предмете – еде – говорится патетически).

Вместе с тем для Булгакова, как в свое время для Гоголя, точное обозначение того или иного предмета, явления обязательно, поскольку обозначаемое – это часть воспроизводимого писателем мира. Оно как бы выхвачено из живой действительности и одновременно раскрывает разные стороны этой действительности.

С целью иронического, сатирического освещения действительности в булгаковском романе используется прием повторения в тексте названия, которое вначале выступает в качестве образной экспрессивной характеристики персонажа, а в дальнейшем используется в дискурсе повествователя как нейтральное обозначение того же лица. Ср., например, перифрастичное романтизованное представление Арчибальда Арчибальдовича, пронизанное иронией, – в силу контрастного соотношения данного фрагмента с предшествующим и последующим сниженными контекстами: «Оплывая потом, официанты несли над головами запотевшие кружки с пивом, хрипло и с ненавистью кричали: «Виноват, гражданин!» Где-то в рупоре голос командовал: «Карский раз! Зубрик два! Фляки господарские!!!» Тонкий голос уже не пел, а завывал: «Аллилуйя!» Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую посудомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, ад.

И было в полночь видение в аду. Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором

окинул свои владения. Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукояти пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и плыл в Караибское море под его командой бриг под черным гробовым флагом с адамовой головой» [1, с. 61].

Повествователем привлекаются здесь слухи, пересуды обывательской литературной среды («мистики») о прошлом Арчибальда Арчибальдовича, и делается это акцентированно – путем повторения глагола-сказуемого («говорили, говорили мистики»), указывающего на источник этих слухов, которые тут же эмоционально (но бездоказательно) и опровергает повествователь – в форме мнимого сожаления об ушедшей из жизни пиратской романтике: «Но нет, нет! Лгут обольстители – мистики, никаких Караибских морей нет на свете, и не плывут в них отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корвет, не стелется над волною пушечный дым. Нет ничего, и ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар...» [1, с. 61].

Здесь первоначальное перифрастичное описание профессии Арчибальда Арчибальдовича сменяется ее прямым наименованием (флибустьер). Несколько ниже это же слово (и синонимичное ему слово пират) используется для нейтрального наименования персонажа: «Холодно спрашивал пират...повторял пират...отвечал пират, буквально сжигая швейцара глазами...спросил флибустьер...Но тут флибустьер сжалился над ним...»).

Несоответствие между объективно-деловым характером реплик повествователя и включенными в них словами *пират* и *флибустьер*, сохраняющими оценочный, экспрессивный характер, способствует ироническому восприятию последних.

Сближение сходных по звуковому составу глаголов-инфинитивов из одной и той же экспрессивно-стилистической сферы, обозначающих смежные понятия, также способствует язвительному изображению действующих лиц, их беспорядочно-однообразных действий. Ср.: «И пошли вскакивать, пошли вскрикивать...» [1,

с. 62]. Иронический характер изображаемых интенсивных действий представителей МАССОЛИТа подчеркивается (усиливается) здесь повтором глагола *пошли* в разговорном значении «начали делать».

Тут же с тонкой иронией разоблачается фальшь и ложь официальных риторических штампов советского времени – путем подчеркнутого сопоставления риторического изображения с простым и точным описанием реального положения вещей: бестолково-суетливых действий и предложений посетителей ресторана Грибоедова. Ср.: «Да, взметнулась волна горя при страшном известии о Михаиле Александровиче. Кто-то суетился, кричал, что необходимо сей час же, тут же, не сходя с места, составить какую-то коллективную телеграмму и немедленно послать ее» [1, с. 62]. И здесь же в структуру повествовательного дискурса включаются словесные построения, идущие непосредственно от повествователя, не приемлющего новые, советские формы выражения сочувствия в связи с горестным событием, насмешливо-иронически к ним относящегося. Ср.: «Но какую телеграмму, спросим мы, и куда? И зачем ее посылать? В самом деле, куда? И на что нужна какая бы то ни было телеграмма тому, чей расплющенный затылок сдавлен сейчас в резиновых руках прозектора, чью шею сейчас колет кривыми иглами профессор? Погиб он, и не нужна ему никакая телеграмма. Все кончено, не будем больше загружать телеграф» [1, с. 62].

Авторская ирония в романе «Мастер и Маргарита» коснулась многих отрицательных персонажей: предателей, доносчиков, подхалимов, очковтирателей, взяточников и т.п. Это служащие различных учреждений: МАССОЛИТа (Берлиоз, Латунский, Рюхин и др.), театра Варьете (Степа Лиходеев, Римский, Варенуха, Жорж Бенгальский), Зрелищной комиссии (пустой костюм Прохора Петровича) и акустической комиссии (А.А. Семплеяров), председатель домкома Н.И. Босой и др. Булгаков, едко осмеивая их косноязычную речь, пародирует трансформированный язык новой эпохи, возникший после революции. Не принимая словотворчества постреволюционного времени в принципе, писатель насыщает пропагандистскими штампами, «канцеляритом» речь типичных представителей нового

социального уклада, создавая тем самым их оригинальные языковые характеристики.

Ирония часто взаимодействует с сатирой. Сатира нередко облекается в ироническую форму. В своих разнообразных проявлениях – от убийственной издевки до горького сожаления, горькой усмешки – ирония «участвует» в построении сатирических образов. С помощью иронии как бы художественно нейтрализуется преобладание «чистого» авторского голоса, его субъективно-завершающая роль в построении и оценке чужого слова. «Это своеобразный эстетический противовес монологизму и дидактике в сатире. Чужое слово получает известную суверенность, как бы не замечая скобок, в которые оно заключено и перед которыми стоит обратный знак иронии» [5, с. 61].

Иносказательность как основное свойство иронии дает возможность автору скрыть свои истинные интенции: сообщив какой-то факт (который говорит сам за себя), автор дает оценку своими словами, обратный смысл которых читатель воспринимает сам. Ирония требует определенной культуры восприятия. Она заставляет читателя искать подтекст, в котором и содержится истинная авторская оценка действительности.

Литература

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 5 т. Москва: Худож. лит., Т.5. 1992. 734 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. Учеб. пособие для филол. спец-тей ун-тов и пед. ин-тов. Москва: Высшая школа, 1971. 240 с.
3. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре. О.П. Ермакова. Облик слова. Сб. статей. РАН. Ин-т рус. яз. Москва, 1997. С. 48—57.
4. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Москва: Изд-во «Индрик», 2007. 728 с.
5. Мысляков В.А. Искусство сатирического повествования (Проблема рассказчика у Салтыкова-Щедрина). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966. 107 с.

6. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. АН УССР. Кафедра ин. языков. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
7. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: Для учащихся-иностранцев. Москва: Рус. яз., 1976. 342 с.
8. Слово Достоевского. 2000. Сборник статей. Москва: Азбуковник, 2001. 596 с.
9. Степанов Н.С. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX–I половины XX веков: Монография. Винница: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 1999. 281 с.

Анотація

С.М. Нікіфорова. Іронія у романі М.О. Булгакова «Майстер та Маргарита»

Статтю присвячено одному з найбільш уживаних стилістичних прийомів створення комічного ефекту – іронії. Матеріалом для дослідження слугує останній роман видатного письменника першої половини 20-го століття М.О. Булгакова «Майстер і Маргарита». Мета даної статті – розглянути, якими стилістичними прийомами користується автор для досягнення комічного та іронічного ефектів у романі «Майстер і Маргарита», створюючи образи персонажів.

У статті доводиться, що оповідач фейлетонно-сатиричних частин роману нерідко приймає позу московського жартівника, «харчується» сумнівною інформацією, що виходить із літературних кіл, та іронічно до неї ставиться. Діапазон емоційних оцінок, які автор дає своїм комічним персонажам, дуже широкий: від їдкої іронії щодо членів літературної асоціації до гумористичних образів звичайних радянських громадян.

Крім того, в статті наводяться приклади того, як М.О. Булгаков з нещадною іронією викриває порожнечу і штучність офіційно-канцелярського мовного стандарту, словесних штамів, що приховують справжню, природну сутність явищ. Він прагне відобразити справжню дійсність, не спотворену «кривим дзеркалом» офіційно-бюрократичних фраз.

Іронія дуже часто взаємодіє з сатирою. Сатира нерідко вбирається в іронічну форму. У своїх різноманітних проявах – від вбивчого глузування до гіркої жалю, гіркої усмішки – іронія «бере участь» в побудові сатиричних образів. За допомогою іронії як би художньо нейтралізується переважання «чистого» авторського голосу, його суб'єктивно-завершальна роль у

побудові та оцінці чужого слова. Іронія автора змушує читача шукати підтекст, у якому і міститься справжня авторська оцінка дійсності.

Ключові слова: іронія, стилістичний прийом, пародіювання, комізм, сарказм, дискурс.

Аннотация

С.Н. Никифорова. Ирония в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Статья посвящена одному из наиболее употребительных стилистических приемов создания комического эффекта – иронии. Материалом для исследования послужил «закатный» роман выдающегося писателя первой половины 20-го века М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Цель данной статьи – рассмотреть, какими стилистическими приемами пользуется автор для достижения комического и иронического эффектов в романе «Мастер и Маргарита», создавая образы персонажей.

В статье доказывается, что повествователь фельетонно-сатирических глав нередко принимает позу московского балагура, «питающегося» сомнительной информацией, исходящей из литературных кругов, и иронически к ней относящегося. Диапазон эмоциональных оценок, которые автор дает своим комическим персонажам, очень широк: от едкой иронии по отношению к членам литературной ассоциации до юмористических образов обыкновенных советских граждан.

Кроме того, в статье приводятся примеры, как М.А. Булгаков с беспощадной иронией разоблачает пустоту и искусственность официально-канцелярских языковых стандартов, словесных штампов, скрывающих истинную, естественную сущность явлений. Он стремится отобразить подлинную действительность, не искаженную «кривым зеркалом» официально-бюрократических фраз.

Ирония часто взаимодействует с сатирой. Сатира нередко облекается в ироническую форму. В своих разнообразных проявлениях – от убийственной издевки до горького сожаления, горькой усмешки – ирония «участвует» в построении сатирических образов. С помощью иронии как бы художественно нейтрализуется преобладание «чистого» авторского голоса, его субъективно-завершающая роль в построении и оценке чужого слова. Ирония автора заставляет читателя искать подтекст, в котором и содержится истинная авторская оценка действительности.

Ключевые слова: ирония, стилистический прием, пародирование, комизм, сарказм, дискурс.

Summary

S.M. Nikiforova. The irony in the novel by M.A. Bulgakov “Master and Margarita”

The article is devoted to one of the most common stylistic devices for creating a comic effect – irony. The material for the study was the last novel by the outstanding writer of the first half of the 20th century M.A. Bulgakov “Master and Margarita”. The purpose of this article is to consider what stylistic devices the author uses to achieve comical and ironic effects in the novel “Master and Margarita”, creating images of characters.

The article proves that the narrator of the satirical chapters often takes the pose of a Moscow joker who “feeds on” doubtful information coming from literary circles and ironically referring to it. The range of emotional assessments that the author gives to his comic characters is very wide: from acrid irony towards members of the literary association to humorous images of ordinary Soviet citizens.

In addition, the article gives examples of how M.A. Bulgakov with ruthless irony exposes the emptiness and artificiality of official-clerical language standards, verbal cliches that hide the true, natural essence of phenomena. He seeks to reflect genuine reality, not distorted by the “crooked mirror” of official-bureaucratic phrases.

Irony often interacts with satire. Satire is often clothed in an ironic form. In its various manifestations – from a murderous mockery to a bitter regret, a bitter grin – irony “participates” in the construction of satirical images. With the help of irony, the predominance of the “pure” author’s voice is artificially neutralized, its subjectively concluding role in the construction and evaluation of someone else’s word. The author’s irony forces the reader to search for subtext, in which the true author’s assessment of reality is contained.

Key words: irony, stylistic device, parody, comic, sarcasm, discourse.

Інформація про автора

Нікіфорова Світлана Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Харківського національного університету будівництва та архітектури; вул. Сумська, 40, Харків, Харківська область, 61000, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-5471-6835>